

На следующий день начальник шахты Попов Николай Иванович собрал шахтеров в актовом зале.

— Товарищи! — обратился он к ним.— Вчера во второй половине дня, когда началась активная стадия снеготаяния, сбегавшие с полей талые воды через провалы вылились в шахту, и чуть было не затопили двадцатую лаву, где в это время работала бригада Жихарева. И только благодаря умелым действиям бригадира не произошло полное затопление лавы...

— А мне, Николай Иванович, доложили другое,— перебил его парторг.

— Интересно мне знать, Алексей Григорьевич, что же вам такое доложили? — Попов повернулся к парторгу.

— А доложили мне следующее,— начал говорить парторг, неспешно расставляя слова и осматривая зал.— Ситуация была взята под контроль не благодаря умелым действиям бригадира, а действиям навальщика Петрова. Только действия те были не умелые, как вы, Николай Иванович, говорите, а скажем так, не совсем законные,— парторг сделал небольшую паузу, словно прислушиваясь к притихшему залу, а потом продолжил: — Петров фактически угрожал расправой своим товарищам,— высказался он, и после его слов в зале зашумели.

— Тихо, товарищи, тихо! — начальник шахты постучал карандашом по графику.— То, о чем вы говорите, Алексей Григорьевич, это очень серьезно. Вы фактически обвиняете человека в совершении им преступления. Расскажите нам подробнее, пожалуйста, о том, что вам стало известно? — попросил он парторга. Тот улыбнулся и повернулся лицом к залу.

— Петров здесь? — спросил он. Иван нерешительно поднялся.— А ну, Петров, расскажи собравшимся, какими методами ты призывал товарищей к предотвращению затопления шахты? — потребовал он.

Иван молчал. Он решил, что парторг специально начал публично на собрании рассматривать тот аварийный случай для того, чтобы принять к нему меры за угрозу жизни шахтерам с его стороны. Он решил, что сейчас решается его судьба, и возможно даже дело его передадут в следственные органы, и все сейчас будет зависеть от его правильного ответа, но он не знал, что нужно ответить парторгу, у него не было еще такого жизненного опыта, который помог бы ему выпутаться из сложившейся ситуации. Он не знал, что нужно ответить, чтобы своим ответом не навредить себе, а потому Иван молчал.

— Ну, что молчишь, Петров? Расскажи нам, как ты там угрожал своим товарищам? — задал вопрос уже начальник шахты.

Иван чувствовал на себе взгляды сидевших в зале шахтеров. Кто-то смотрел на него с интересом и любопытством, кто-то с сожалением и сочувствием, и лишь бригадир Жихарев, умело изобразив на лице недоумение, тайно злорадствовал. Он был зол на Ивана. Сразу Жихарев не придал значения случившемуся в шахте, а позже, когда страсти уже улеглись, он понял, что этим своим поступком в шахте Иван нанес урон его бригадирскому авторитету, а потому самолюбивый Жихарев озлобился на него. Сразу после работы, дождавшись, когда вся бригада разошлась по домам, он воровато озираясь по сторонам, буквально крадясь, вошел в кабинет к засидевшемуся допоздна парторгу. В течение часа рассказывал он ему о произошедшем в шахте случае, о поведении Ивана, который под угрозой убийства горбылем буквально загнал всех под трещавшую по всем швам готовую вот-вот обвалиться кровлю. Рассказывал о себе и о своих товарищах, рассказывал о шахте все, что когда-то, где-то, что-то и от кого-то услышал. Слушая бригадира, парторг курил одну папиросу за другой, то внимательно вглядываясь в его лицо, то отворачиваясь от него. Иногда он багровел, а иногда наоборот лицо его становилось бескровным. Так и не сказал парторг Жихареву ни единого слова, ни одного вопроса ему не задал. Лишь головой кивнул в ответ, когда тот попросил его никому не рассказывать об их разговоре.

— Ну, что же? Раз Петров не хочет рассказать о своих действиях, тогда расскажу я,— вновь вступил в разговор парторг. Он улыбнулся, изобразив на лице не то улыбку, не то ухмылку.— А было следующее, товарищи. Когда стало затапливать лаву, все растерялись, в том числе и хваленый вами, Николай Иванович, бригадир,— парторг взглянул на начальника шахты. Тот молчал.— А затем, когда затрещала кровля, все и вовсе стали убежать. А стоявший до этого вместе со всеми Петров вдруг схватил здоровенный горбыль и замахнулся им на своих убегающих товарищей со словами: «Сейчас, мол, голову разобью тому, кто первый побежит!» и буквально под угрозой убийства, загнал всех под трещавшую по всем швам и готовую вот-вот обвалиться кровлю, тем самым подвергнув своих товарищей смертельной опасности. Так было дело, Петров? — спросил парторг.

— Да... так,— выдавил из себя Иван, и потупил взгляд в пол. «Ну, вот и все. Я сознался, и теперь меня точно упекут в тюрьму. Как брата Кузьму упекли, так и меня упекут»,— решил Иван. Он почувствовал, как его лоб покрылся холодной испариной, а между лопаток струйкой побежал пот.

— Да не трещала там никакая кровля, и ни по каким швам. Просто вода сверху лилась и все,— выкрикнул кто-то из зала. Иван вздрогнул от этих слов и повернулся на голос, но кто именно их выкрикнул, он не определил.

— Правильно! И никуда Иван нас не загонял! — раздался другой голос.

— Не угрожал он нам никаким горбылем! — вновь раздался чей-то голос.

В зале стало шумно, поднялся гвалт.

— Ша! Тихо! — вдруг громко произнес Копейкин.— Тихо всем, дай сказать! — Он поднялся со стула. Большой и нескладный, слегка перекосив вниз левое плечо, он глядел на всех исподлобья.

— Ого! Молчун наш заговорил! — выкрикнул кто-то, и в зале засмеялись, но стихли вскоре и присмирели под недобрым взглядом Копейкина.

— Значит, начальник, дело было так,— начал он говорить, обращаясь к парторгу.— Как ты знаешь, мы с Иваном работаем впаре. Я рублю уголек, а он откидывает его. За нами идут крепильщики, они, как тебе известно, начальник, ставят стойки и загоняют под них горбыль. Иногда, когда запарка или лес тяжеловат, им ставить бревна помогаем и мы с Иваном. Так вот в тот момент, когда потекла вода, Петров

как раз помогал крепильщикам ставить стойку, и загонял под нее горбыль. Вот для этой цели он и держал в руках горбыль, а не для угрозы. А что он там в тот момент говорил, никто толком слышать не мог из-за шума бежавшей сверху воды, а значит, не могла слышать и та сучка, что тебе, начальник, насучила. Я все сказал,— проговорил Копейкин и уселся на место.

В зале загудели еще пуще прежнего.

«Правильно Василий говорит!», «Так оно и было!», «Никому Ванька не угрожал, брехня все это!»,— стали раздаваться голоса.

Парторг едва заметно улыбнулся.

— Ну, что же, тогда у меня вопросов к Петрову больше нет,— проговорил он, обращаясь к начальнику шахты.

— Вот и хорошо,— кивнул тот головой.— А теперь, товарищи, вернемся к нашим делам. Садись, Иван, что ты стоишь-то? — обратился он к Ивану, увидев, что тот все еще продолжал стоять.— Так вот, товарищи, у нас на сегодняшний день сложилась непростая ситуация с затоплением шахты тальми водами. Нет никакой гарантии в том, что не произойдет нового затопления. Зима была снежная, а весна, сами вон видите,— Попов кивнул головой на окно,— вступила в свои права, как говорится, на всю катушку,— начальник шахты улыбнулся то ли сказанному им самим, то ли светившему за окном яркому весеннему солнцу.— А поэтому мы решили направить бригаду на расчистку полей от снега. Я понимаю, товарищи, что у нас есть и трактора, и грузовики, которые эти поля расчистили бы за час, но сейчас так сложилась обстановка, что технику на поле мы загнать не сможем. Всю бригаду мы снять тоже не сможем, а потому на расчистку снега выделим несколько человек. Начнем расчищать поле между деревнями Подываньково и Городна. Там сейчас самая сложная ситуация. На поле есть низина и она сильно заснежена. Через час-два припечет, снег начнет таять, и в низине вновь соберется талая вода, а под тем полем как раз наша двадцатая лава. Так что, товарищи, сами понимаете, задача не из легких и очень ответственная. Думаю, что бригадиром туда можно направить Жихарева, а вместо него...

— Считаю, что Жихарев будет более полезен в шахте. А вот старшим на роль бригадира в поле предлагаю направить Петрова,— перебил начальника шахты парторг.

— Да, но Петров молодой и не опытный работник. А дело-то очень серьезное, Алексей Григорьевич. Боюсь, что Петров не справится,— высказал сомнение Попов.

— А вы, Николай Иванович, не бойтесь. Нужно смелее доверять нашей молодежи,— произнес парторг.

— Ну что же, давайте поступим так, как вы, Алексей Григорьевич, предлагаете,— согласился Попов.— Давайте, товарищи, закругляться и начинать работать, а то и так уже засиделись,— распорядился он.— Петров, подойдешь к главному инженеру, обговорите с ним детали работы в поле. Он в курсе всех дел.

Иван кивнул. Он был взволнован после такого совещания и благодарен своим товарищам за оказанную ими поддержку, а особенно Копейкину.

— Спасибо тебе, Василий,— проговорил он после совещания, пожимая Копейкину руку.

— Пустяки,— ответил тот.— Я сейчас думаю о другом.

— О чем же? — спросил Иван.

— Вместо тебя-то мне кого дадут? Зачем мне нужен другой напарник? С тобой-то мы уже сработались. И зачем Николай Иванович послушал этого парторга?! — удивился Копейкин.— Пойду к нему, попрошу, чтобы тебя оставил со мной в паре. Пусть кого-нибудь другого бугром на-гора ставит. В конце концов, мы с тобой вме-

сте план перевыполняем и шахта плюсуется. Что ему надо? Зачем все менять? — возмущенно разговаривал обычно неразговорчивый Копейкин.

В приемной начальника шахты секретарь — полноватого телосложения женщина средних лет, которую Василий даже не знал, как зовут, сказала ему, что Николай Иванович ушел в кабинет к парторгу, и если он ему срочно нужен, то пусть идет туда же. Василий пошел. Дверь в кабинет парторга была слегка приоткрыта, и из кабинета доносились голоса, разговаривали начальник шахты и парторг. Василий не был человеком любопытным, а еще больше он не любил, когда подслушивают чужие разговоры, но здесь, в данном случае, он был не виноват в том. Он не хотел подслушивать их разговор, но дверь была приоткрыта, а уходить, не поговорив с начальником шахты, Василий не хотел. Из-за двери доносились голоса, пахло табачным дымом.

— Не пойму я тебя, Алексей Григорьевич, что ты за человек такой, — произнес начальник шахты. — Сначала ты устроил Петрову судилище, а потом фактически назначил его бригадиром.

— А ты бы не соглашался со мной, Николай Иванович, — улыбнулся парторг. — Назначал бы того, кого хотел, ведь ты же начальник шахты, а не я, — сказал он и выпустил в потолок папиросный дым. Затем, прищурив глаза, внимательно взглянул на Попова. Наедине они разговаривали друг с другом на «ты».

— Ну, ты же знаешь, Алексей Григорьевич, что у нас в стране все решает партия, которую здесь представляешь ты. И как бы я там чего ни хотел, в конце концов, все будет так, как решишь ты.

— А тогда чего ты от меня хочешь услышать, Николай?

— Не пойму я тебя, Алексей, не пойму! Мы с тобой уже давно вместе работаем, а никак я тебя не распознаю, — Попов потушил в пепельнице окуроч и вновь из пачки извлек другую папиросу. Долго мял ее пальцами, а затем прикурил. — Ты осуждаешь действия Петрова или нет?

— Я, Николай, если ты помнишь, воевал. Был политруком стрелковой роты, ранения имею.

— Конечно, помню. Но какое это имеет отношение к нашему случаю?

— Самое непосредственное. Мне на войне тоже приходилось вот так, как и Петрову, угрожая оружием, останавливать убежавших с поля боя бойцов. И стрелять приходилось поверх их голов, чтобы остановить. Под страхом смерти остановить. А иначе нельзя было. Вот и Петров поступил также. Он молодец, хороший парень, этот Петров. Я бы с ним в разведку пошел, — засмеялся парторг.

— Тогда зачем нужно было...

— Зачем нужно было устраивать этот спектакль с разбирательством? — перебил начальника шахты парторг.

— Да. Сразу похвалил бы Петрова и все. А то довел парня до того, что тот, бедняга, от переживания аж покраснел весь, зачем?

— Мне, Николай, хотелось видеть реакцию его товарищей, как они в сложившейся ситуации поведут себя? Не струсят ли под начальственным напором? Не предадут ли парня? Не предали, молодец! И Копейкин молодец. Как он лихо преподнес нам этот момент с горбылем, представив его не как преступление, а как обыкновенный рабочий момент. А ведь он фактически тем самым дал установку Ивану и всем остальным, в случае чего, чтобы Петрова не привлекли к ответственности, давать именно такие показания. А он среди шахтеров пользуется большим авторитетом, — парторг докурил папиросу и бросил окуроч в пепельницу.

— Копейкин судимый. Отбывал за то, что где-то кого-то покалечил, я сейчас уже не помню, — проговорил Попов, — Но авторитет он имеет не из-за этого. Он — настоящий работяга! Норму дает с лихвой! Передовик!

— И товарищем хорошим оказался,— соглашаясь с начальником шахты, добавил парторг.

— Алексей, скажи, а кто же к тебе жаловаться приходил? — осторожно спросил Николай Иванович.

Парторг вздохнул и вновь потянулся к лежавшей на столе папиросной пачке, закурил.

— А тебе очень хочется об этом знать? — спросил он.

— Очень,— ответил Попов, и сжал парторгу руку.— Очень, Алексей. Пойми, мне же с ними со всеми работать, я же должен знать каждого. Кто из них кто? Кто на что способен? Кто на порядочность и подвиг, а кто на подлость и предательство? Кто чего стоит? Пойми!

— Я слово дал этому человеку.

— Клянусь тебе, дальше этого кабинета наш разговор не выйдет.

— Ну, так и быть, скажу тебе. Бригадир ко мне приходил — Жихарев Павел, и рассказал об этом случае с Петровым, да и еще о многом другом, что на шахте происходит,— тихо произнес парторг после довольно долгого молчания.

— Пашка?! — изумился Николай Иванович.— А я о нем другого мнения был! И в бригадиры его выдвинул! А он... — Николай Иванович вздохнул глубоко и, докурив папиросу, поднялся со стула.— Пойду я, Алексей Григорьевич, дела ждут. Ты заходи, побеседуем,— сказал Попов и направился к двери.

— погоди, Николай Иванович, погоди,— остановил его парторг.— Присядь,— он взял Попова за плечо и буквально силой усадил на стул.— Я вот с тобой еще о Петрове поговорить хотел, коли мы с тобой о нем разговор завели.

— Что еще, Алексей, ты узнать хочешь?

— А ты знаешь, что он у нас с тобой не комсомолец?

— Нет, я как-то не вдавался в такие подробности,— с безразличием пожал плечами Попов.— Работник он хороший, а комсомолец он или нет, мне не важно.

— Ты не прав, Николай. Это очень важно, и я думаю, что Петрову уже пора вступить в комсомол.

— В его возрасте люди уже в партию вступают, а ты — в комсомол! — усмехнулся Николай Иванович.

— В партию, всех попало, не принимают. Нужно сначала в комсомоле себя показать, а потом уже о партии думать.

— Ну, так действуй, Алексей. Вызывай Петрова и разговаривай с ним,— предложил начальник шахты, вставая со стула и тем самым давая понять, что разговор на эту тему закончен. Но парторг вновь усадил его на место.

— погоди, Николай, погоди,— произнес он.— Дело в том, что у Петрова отец верующий, в церковь ходит.

— Отец Петрова — Матвей Кузьмич — наш бывший шахтер. Почетный пенсионер, честно отдавший шахте не одно десятилетие своей жизни. А в Бога он уверовал после того, как его завалило в шахте, и он больше суток пробыл под завалом. Все думали, что он уже мертв, а он лежал бревнами и землей прижатый и пошевелиться не мог. Хорошо, что не раздавило его, и воздух к лицу поступал. А когда его откапывать начали, он и подал голос из последних сил. Я тогда, правда, здесь еще не работал, но слышал эту историю от других людей. Вот после этого он и уверовал в Бога.

— Боюсь, там не одобряют,— парторг указал пальцем в потолок.

— А ты, Алексей, не бойся. Фрицев на войне не боялся, а здесь — испугался? — ухмыльнулся начальник шахты.

— Ну, что же, тогда буду разговаривать с Петровым о вступлении им в комсомол,— проговорил парторг.

Случайно услышавший этот разговор Василий Копейкин почувствовал себя неловко, словно он залез в чужой карман, а из-за услышанного о бригадире-доносчике у него возникло чувство негодования. Он решил не встречаться с начальником шахты и, резко развернувшись, пошел по коридору к выходу быстрым шагом, размахивая в разные стороны руками, словно хотел стряхнуть что-то налипшее на них — нехорошее, неприятное, гнусное, подлое.

«Ах ты, сучка продажная! Ах ты, доносчик! Ну, я тебе покажу, мразь!» — возмущался он.

В этот день в шахте он работал с остервенением, с трудом сдерживая ненависть на бригадира, вымещая всю свою злость на угольных пластах и отбойном молотке, который не замолкал ни на минуту. Работавший с ним напарник не поспевал за ним и вскоре, загнанный бешеным темпом Копейкина и ощутивший резкую нехватку кислорода, упал прямо на холодную и грязную землю, хватая ртом, как выброшенная на берег рыба, воздух. Только тогда Копейкин остановился, и сам присел на землю обессиленный. О том, что ему удалось случайно узнать о доносе бригадира Жихарева, он решил никому ничего не рассказывать. Василий сам решил наказать Жихарева, наказать по-своему, только ему одному известным возмездием.

